

Я.А. Лазарев (Екатеринбург)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ УСТОЙЧИВОГО КОНТРОЛЯ НАД ТЕРРИТОРИЕЙ «МАЛОЙ РОССИИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНИГОВСКОЙ ПРИКАЗНОЙ ИЗБЫ)*

ТЕРРИТОРИЯ «МАЛОЙ РОССИИ» вошла в состав Российского государства в начале 1654 г. Практически сразу же в регионе стали появляться первые анклавные царской (воеводской) администрации (первоначально в Киеве в начале 1654 г.). Данные анклавные рассматривались царским правительством в качестве важного механизма для контроля над непростым регионом. Однако в историографии данному аспекту российско-украинских отношений второй половины XVII в. специально было уделено сравнительно немного внимания. Тематику воеводского управления (назначение воевод, осада крепостей) в рамках более широких сюжетов казацких войн, социально-экономического развития «Малой России», российской внешней политики затрагивали многие исследователи, начиная с классиков дореволюционной историографии Д.Н. Бантыш-Каменского, С.М. Соловьева и др. В работах историков, специально не занимавшихся вопросами воеводского управления, описание полномочий царских воевод подчинено нормативно-юридическому подходу, а практики взаимоотношений с местным населением хронологически охватывают зачастую 1660-е гг.¹ Определенное исключение составляют редкие работы, специально посвященные самоуправлению

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых по теме «Механизмы устойчивого контроля над присоединенными территориями Российского государства: военно-административное присутствие и фискальные практики в "Малой России" (вторая половина XVII в. – 1785 г.)» на 2017–2018 гг.

в городах «Малой России»². Первым, кто специально обратился к осуществлению структуры и особенностей воеводского управления в «Малой России», его влиянию на местные институты самоуправления, стал украинский историк Ф.П. Шевченко (1914–1995), защитивший по данной проблеме кандидатскую диссертацию в 1943 г. в далеком Ташкенте. К сожалению, данная работа до своей публикации в 2014 г. была практически не известна³. Для советской историографии работа Ф.П. Шевченко является уникальным примером, только намечавшим разработку проблемы. Несмотря на это, в украинской историографии советского периода появление в «Малой России» воевод и царских гарнизонов безапелляционно трактовалось в негативном ключе как фактор, дестабилизировавший обстановку в казацком государстве и способствовавший ликвидации украинской автономии. Это же утверждение перекочевало в работы современных украинских и некоторых российских историков⁴. В последнее время в историографии наметился определенный сдвиг в глубоком изучении темы российского военно-административного присутствия и реконструкции взаимоотношений царской администрации с местными социальными группами⁵. Несмотря на это, данные работы не закрывают тему описания воеводской администрации в регионе с институциональной точки зрения, включая те проблемы, с которыми столкнулись царские воеводы в организации механизмов контроля за «Малой Россией». На примере описания воеводской приказной избы Чернигова мы попытаемся понять, насколько данные институции являлись механизмами эффективного контроля, какова была политика российского правительства в отношении «Малой России» и ее особого статуса, а также механизмов интеграции региона в состав Российского государства.

В идеальных условиях при изучении истории государственных учреждений исследователь обращается к одноименным архивным фондам. К сожалению, этого нельзя сказать в отношении бумаг, отразивших работу учреждений второй половины XVII в. Они оказались распылены между разными фондами российских архивов, которые формировались в конце XVIII–XIX вв. Наиболее плотно бумаги, касающиеся деятельности Черниговской приказной избы сохранились в коллекциях фондов 210 («Разрядный приказ»), 124 («Малороссийские дела») и 229 («Малороссийский приказ») Российского государственного архива древних актов (г. Москва) (далее – РГАДА). В нашей статье мы будем опираться на материалы из 229-го фонда РГАДА.

Изначально царские воеводы должны были появиться в Чернигове в 1654 г. На переговорах с казацкой делегацией в Москве в марте 1654 г. Чернигов упоминался наряду с Киевом в качестве «большого города», где допускалось размещение царских воевод⁶. По непонятным причинам казацкие послы отказались от этого пункта. Предположим, что свою роль сыграло нежелание царского правительства признавать за казацкими институтами самоуправления абсолютную монополию на власть в «Малой России»⁷. В дальнейшем вопрос о присутствии царских воевод в Чернигове и некоторых других малороссийских городах (Нежине, Переяславле) поднимался в самом конце гетманства Б.М. Хмельницкого в июне 1657 г. Однако гетман был категорически против⁸. Преемник Хмельницкого И.Е. Выговский рассматривал введение дополнительных царских воевод в качестве меры по укреплению своего положения в противостоянии со своими политическими оппонентами М. Пушкарем и Я. Барабашем. В апреле 1658 г. было указано «на своей государеве службе в черкасских городех быть в воеводах» в 6 малороссийских городах, в том числе стольнику А.Я. Дашкову в Чернигове⁹. По личной просьбе Выговского исполнение царского указа было отложено. Свою роль сыграла победа гетмана над политическими врагами¹⁰. И только в результате измены Выговского царское правительство настояло на расширении военно-административного присутствия. На переговорах с новым гетманом Ю.Б. Хмельницким в октябре 1659 г. Чернигов упоминался среди 6 городов, в которые должны быть введены царские гарнизоны, хотя казацкая сторона изначально соглашалась на присутствие воевод только в Киеве и Переяславле¹¹. С октября по декабрь 1659 г. в новые города вводятся российские войска. Первым черниговским воеводой становится В. Новосильцев. С этого момента на протяжении второй половины XVII в. и далее в Чернигове будут беспрерывно находиться российские войска.

Чем объяснить столь пристальное внимание царского правительства к Чернигову? Вполне вероятно, что свою роль сыграла политическая активность городских корпораций на протяжении 1654-1659 гг., стремившихся за счет подтверждения своих прав на самоуправление (магдебургское право) уберечь себя от злоупотреблений казацкой администрации¹².

Царские гарнизоны в основной своей массе размещались в крепостях малороссийских городов. Крепостные сооружения Чернигова представляли собой замок («Верхний город») и небольшую крепость,

располагавшуюся подле замка («нижний острог»)¹³. Такая структура крепостных сооружений оставалась и в начале XVIII в.¹⁴ По известным описаниям, деревянные и земляные укрепления Чернигова на середину 1660-х гг. находились в плохом состоянии и требовали ремонта¹⁵. Ситуация стала меняться к 1682 г. Например, замок был «рубленной новой рублен в дубовом лесу в два бревна с тарасами», к нему была построена новая башня, а вот «нижний острог» оставался «весь ветх и во многих местах повалился»¹⁶. В замке были обустроены склады с вооружением, порохом, амуницией и припасами (хлеб, соль), там же располагались и административные сооружения: «приказная изба на подклете», «дворы государевы», где отдельно проживали воеводы, иноземные и солдатские полковники. На территории замка в «государевых избах» располагались даточные солдаты. На территории малой крепости («нижний острог») находился почтовый и кружечный дворы. В самом замке могли проживать «даточные солдаты», а в малой крепости – «ратные люди, черниговские старые осадные сидельцы, салдаты и стрельцы»¹⁷. В «нижнем городе» располагался посад, т. е. территория проживания черниговских мещан. Такое разделение было не случайным и объяснялось спецификой полномочий воевод в малороссийских городах.

Начиная с первых царских воевод в Киеве, в российско-украинских отношениях нормативно закреплялось, что царские администраторы не имели права вмешиваться в городское самоуправление и не обладали фискальными полномочиями¹⁸. Это разительно отличало полномочия малороссийских воевод от воевод в великороссийских городах¹⁹. При этом итоговые решения российско-украинских переговоров 1654 г. предусматривали, что царские воеводы будут собирать налоги с неказацкого населения при посредничестве членов городского самоуправления²⁰. Вплоть до неудачной налоговой реформы 1665–1668 гг. к практической стороне реализации этих планов царское правительство не возвращалось²¹. На небольшой промежуток времени царские воеводы получили фискальные полномочия, но были целиком зависимы от выборных от городских корпораций, на которых ложились основные функции по сбору налогов, а Чернигов стал центром одного из налоговых округов (уездов), к которому было приписано шесть городов с принадлежащими им деревнями и селами²².

Компетенция российских воевод в малороссийских городах детально расписывалась в наказах. Типовой воеводский наказ предпи-

сывал воеводам вести переписку с киевским воеводой по военным вопросам, охране города, содержанию в надлежащем порядке крепостных укреплений, составление «расспросных речей» прибывших гонцов. Кроме этого, воеводе следовало «ласку и привет держать» с местными мещанами и казаками, не вмешиваться в судопроизводство. При возникавших конфликтных ситуациях с местным населением, в которых русские ратные люди выступали как потерпевшая сторона, следовало жаловаться местному полковнику, если же последний не начинал следствие, то необходимо было писать киевскому воеводе²³. Также черниговский воевода, подобно остальным, отвечал за состояние крепостей, материально-техническую базу замка и крепости, продовольственные запасы и денежную казну, шедшие на обеспечение ратных людей в Чернигове. Помимо этого, в ведении воеводы находился государев кружечный двор, сборы с которого являлись единственной постоянной и сравнительно небольшой статьей дохода в царскую казну²⁴. Однако единственными потребителями казенного вина и пива были лишь царские ратные люди.

Важным следствием такого количества обязанностей являлась серьезная бюрократическая нагрузка по составлению и введению отчетной документации для центральных учреждений Российского государства (Малороссийский приказ, Стрелецкий приказ и др.). В их число входили приходные и расходные книги денежной казне, хлебным и соляным запасам, книги кружечного двора великого государя денежной и всякой казны, и по спискам великого государя ратных людей. Эта нагрузка ложилась на воеводу и служителей приказной избы. Как правило, в помощниках у воеводы находился один подьячий, а не разветвленный аппарат служителей. Этот подьячий мог сидеть на одном месте и при разных воеводах довольно продолжительное время и не всегда качественно вести документацию. Из-за этого правительство не всегда представляло, куда могли тратиться немалые суммы. Например, подьячий черниговской приказной избы М. Ивашинцов (из Севска), служивший при пяти воеводах²⁵ в 1666–1677 гг., стал фигурантом дела о возможной растрате более 11 тыс. руб., которые просто не всегда учитывались в белой отчетной документации²⁶. Ограниченность бюрократических ресурсов приводила к тому, что воеводы в качестве ответственных за работу кружечного двора («целовальников») назначали из числа солдат и стрельцов, служивших на постоянной основе²⁷. Эти же служилые люди ис-

пользовались и в качестве посыльных. Однако отмеченная проблема была не самой серьезной.

На протяжении все войны с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) Российское государство испытывало серьезные финансовые проблемы, которые обострили ситуацию и внутри страны (Медный бунт 1662 г.)²⁸. Это обуславливало тренд на постепенное сокращение постоянной численности гарнизона. Если по «московским» статьям 1665 г. в Чернигове должно было находиться примерно 1200 чел. (1 тыс. пехоты, 200 конницы), то к 1682 г. на постоянной основе фактически служило около 121 чел. «старых черниговских осадных сидельцов, салдат и стрельцов и даточных салдат»²⁹. На 1700–1701 гг. отмеченная ситуация не поменялась: в «остроге» «верхнего города» Чернигова находилось 12 драгун, 111 солдат, 3 офицера под командованием полковника И. Станцеля³⁰. Иногда численность гарнизонов насыщали за счет московских стрельцов, которые размещались здесь на временной основе³¹. При этом царское правительство с завидной регулярностью не выполняло свои финансовые обязательства перед ратными людьми.

По этой причине для воеводской администрации в Чернигове и других малороссийских крепостях бегство со службы являлось главной головной болью³². О «малолюдстве» в гарнизоне жаловался в 1680 г. черниговский воевода стольник С. Колтовской. Как правило, массово со службы из Чернигова бегали трубчевские солдаты, набиравшиеся из детей боярских Севского разряда³³. Черниговскому и другим воеводам регулярно присылались из Москвы указы о поиске беглых царских людей³⁴. Однако в этих поисках воеводы могли рассчитывать только на свои немногочисленные силы и помощь со стороны казацкой администрации. Без помощи со стороны гетмана и городского населения черниговский воевода С. Колтовской и его преемник М. Кропоткин не имели никакой возможности исполнить государев указ о починке крепостных сооружений³⁵. В целях удержания на службе царских людей (например, стрельцов в Киеве и Переяславле) правительство иногда допускало практику заведения харчевен или бань, но которые бы не мешали местному городскому населению вести свой бизнес³⁶. К сожалению, ничего не известно о подобных практиках в Чернигове.

Однако очевидно, что у черниговского воеводы на протяжении второй половины XVII в. отсутствовали военные и финансовые ресурсы для осуществления своих прямых обязанностей, не говоря о

том, чтобы гипотетически осуществлять эффективный контроль и функции понуждения/принуждения. Отсутствие нормального штата приказных служащих приводило к проблемам ведения учетной финансовой документации и эффективного распределения ресурсов между ратными людьми и в обменах с местным населением. Отсутствие у царского правительства серьезных финансовых ресурсов приводило к постоянному сокращению гарнизонов и издержек на их содержание. Это, в свою очередь, усиливало зависимость от лояльных престолу корпораций «Малой России», особенно от Войска Запорожского.

¹ Романовский В. А. 1) Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (1961 г.). Рига, 1963. С. 184–189; 2) Перепись населения Левобережной Украины 1666 года: ее организация и критическая оценка. Ставрополь, 1967; Пирог П. В. К вопросу о русских воеводах на Украине во второй половине XVII века // Отечественная история. 2003. № 2. С. 162–168; Утвенко В. В. Формування української фіскальної системи в добу Гетьманщини (друга половина XVII – початок XVIII ст.): дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2005. С. 91–139; Кісіль І. М. Соціально-економічне становище міщан Гетьманщини (друга половина XVII – друга половина XVIII ст.): дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2006. С. 54–59.

² См., напр.: Доманова Г. С. Чернігівський магістрат: статус, структура та основні напрями діяльності (друга половина XVII – XVIII ст.): дисс. ... канд. іст. наук. Чернігів, 2006. С. 142–155.

³ Шевченко Ф. П. Русские воеводы на Украине: очерки взаимоотношений Украины и Московского государства во второй половине XVII столетия // Историчні студії: збірка вибраних праць і матеріалів (До 100-річчя від дня народження) / за ред. В. Смолія та Г. Боряка; упоряд. і ком.: С. Батуріна, С. Блащук, І. Корчемна, О. Ясь. Київ, 2014.

⁴ См., напр.: Компан О. С. Міста України другій половині XVII ст. Київ, 1963. С. 138–158; Таирова-Яковлева Т. Г. Проблемы взаимоотношений Украины и России 1654–1667 гг. // Белоруссия и Украина: история и культура (ежегодник). М., 2003. С. 46; Горобець В. М. Московський договір гетьмана І. Брюховецького 1665 р. // Український історичний журнал. 2003. № 6. С. 39–51.

⁵ См., напр.: Алмазов О. С. Роль стрілецьких голів у Батурині у відносинах гетьманів Лівобережної України з Московією в 1670–1680-і рр. // Сіверянський літопис. 2014. № 4 (118). С. 17–22; Назаренко В. М. Російський гарнізон м. Києва (друга половина XVII – XVIII ст.): військово-політичний та соціально-економічний аспекти діяльності: дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2015; Алмазов А. С. Российские воеводы в Гетманщине во 2-й половине XVII в.: степень изученности темы и нерешённые проблемы // Исторический вестник. Т. 16 (163). М., 2016. С. 24–47.

⁶ Карпов Г. Ф. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (начало) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1871. № 11. С. 23–24, 37–38.

⁷ Лазарев Я. А. «Не-каноничные» версии истории Украины второй половины XVII–

XVIII в. в новых исторических курсах // Исторический вестник. Т. 16 (163). М., 2016. С. 192–221.

⁸ Шевченко Ф.П. Русские воеводы на Украине. С. 174.

⁹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее Акты ЮЗР). Т. XV. СПб., 1892. Стб. 159–167.

¹⁰ См.: Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015. С. 56 и далее.

¹¹ Источники Малороссийской истории. Ч. I. М., 1858. С. 110.

¹² Лазарев Я.А. «Не-каноничные» версии истории Украины...

¹³ Половиникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. // Чернігівська старовина: Збірник наукових праць, присвячений 1300-річчю Чернігова. Чернігів, 1992. С. 89–95.

¹⁴ Харламов В.О. Розписний список Чернігова 1701 р. // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя: Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 60-річчю від дня народження О.В. Шевкуна (19–20 січня 1995 р., м. Чернігів). Чернігів, 1995. С. 91–92.

¹⁵ Пирог П.В. К вопросу о русских воеводах на Украине во второй половине XVII века. С. 164.

¹⁶ Половиникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 89, 91.

¹⁸ Воссоединение Украины с Россией. Т. III. М., 1953. С. 522–534; Акты ЮЗР. Т. XV. Стб. 117–134 и др.

¹⁹ См., например: Мизис Ю.А. Воевода московского царства: Р.Ф. Боборыкин на государственной службе. Тамбов, 2012.

²⁰ Карпов Г.Ф. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (окончание) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1871. № 12. С. 239–240.

²¹ См. подробнее: Романовский В.А. Указ. соч.

²² Шевченко Ф.П. Русские воеводы на Украине. С. 250–256, 283–288.

²³ Акты ЮЗР. Т. V. С. 294–299.

²⁴ С 1 сентября 1672 г. по 1 февраля 1673 г. кружечный двор мог приносить примерно 35 рублей дохода, в другие годы эта сумма могла быть выше (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 120. Л. 54–55). Например, с 1 апреля 1681 г. по 1 января 1682 г. кружечный двор приносил примерно 216 р. (Половиникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. С. 91). В других городах, например, Переяславле, эта сумма могла быть ниже (РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 162. Л. 25–26). При этом суммы, выделяемые правительством на покупку вина и хлеба у местного населения, могли в разы превышать имевшиеся доходы.

²⁵ Думный дворянин А.В. Толстой, М.А. Желябужский, стольники С.А. Хованский, Т.В. Чоголков, А.И. Леонтьев.

²⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 120.

²⁷ Половиникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. С. 95.

²⁸ См.: Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л., 1936. С. 9–63.

²⁹ Акты ЮЗР. Т. VI. С. 18–19; Половиникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. С. 95.

³⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 19. Л. 34.

³¹ Например, в 1682 г. в Чернигове находились 1087 московских стрельцов приказа С.И. Янова (Половиникова С.О. «Росписной список» Чернігівської фортеці 1682 р. С. 94).

³² См., например, статистику на 1671 г.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 13. Л. 19–28 об.

³³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 153. Л. 51–52 и далее.

³⁴ Там же. Д. 158. Л. 43–52 и др.

³⁵ Там же. Д. 153. Л. 35–36; Д. 158. Л. 41–42.

³⁶ Там же. Д. 178. Ч. 2. Л. 247–250; Ч. 1. Л. 188–199; Д. 207. Л. 254–258.